



## СОДЕРЖАНИЕ

*«Предрасположен к одному творчеству святости...»*

<i>Предисловие составителя</i>	7
§ 1. Из моего раннего детства	23
§ 2. Беседа с дедушкой Яковом]	26
§ 3. [Мои религиозные состояния]	33
§ 4. [Великий пост в деревне]	38
§ 5. [Наши крестные ходы]	42
§ 6. [Деревенский труд]	47
§ 7. [Молитвы и думы о Боге]	51
§ 8. Пронский мужской монастырь	61
§ 9. На богомолье в Киев	66
§ 10. Из Киева в Одессу	77
§ 12. Афон	81
§ 13. Моя жизнь в Константинополе	112
§ 17. [Посещение отца Мартиниана]	116
§ 20. Петроград	122
§ 22. Возвращение домой	126
§ 27. Осуществление пророчества юродивого Максима	129
§ 37. Интимная беседа с епископом Мефодием	132
§ 38. Вознесение	136
§ 39. Мои думы	140
§ 40. Мои мечты	143
§ 42. Продолжение крестного хода	146
§ 43. Алтай	149

§ 44. Моя беседа с владыкой	158
§ 45. Мое хождение с проповедью в тюрьму	163
§ 46. Проповедническая проба	168
§ 47. Мое размышление	171
§ 48. Второй раз с крестным ходом	173
§ 50. Я на архиерейской пасеке	180
§ 51. Мои мысли	185
§ 56. Третий и четвертый крестные ходы	188
§ 57. Моя поездка за границу	190
§ 58. Поклонники и поклонницы	193
§ 59. Мои мысли	196
§ 65. На море	197
§ 71. Мои размышления	200
§ 72. Мое размышление	201
§ 88. Экстатическое состояние	204
§ 91. Иркутск	205
§ 92. Иргень	206
§ 93. Моя беседа с иргенским настоятелем-миссионером	206
§ 94. Мое первое знакомство с бурятами	209
§ 95. Иргенское озеро	210
§ 98. Моя беседа с Зархаем	212
§ 99. Моя первая проповедь среди бурят	213
§ 105. Любовь — ведение	215
§ 106. Поездка по миссии	218
§ 107. Речь отца Павла	222
§ 111. Крестный ход	226
§ 113. Нерчинская каторга	227
§ 114. [После Сибири]	259
§ 115. [Мое пребывание на войне]	277
§ 116. [Поворотное решение]	289

## «ПРЕДРАСПОЛОЖЕН К ОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ СВЯТОСТИ...»

*Предисловие составителя*

Так получилось, что имя архимандрита Спиридона (Кислякова), в свое время хорошо памятное многим тысячам православных людей, едва не кануло в реку времени. Неутомимый миссионер, одаренный проповедник, вдохновенный пастырь, бескомпромиссный служитель Христовой правды, он на сломе исторических эпох российской жизни оказался одним из тех, кто наиболее рано и глубоко почувствовал их драматическую неизбежность. С болью и сокрушением он искал причины произошедшего страшного перелома и, вновь и вновь переосмысляя свой многолетний церковный опыт, приходил к убеждению, что в основе всех постигших Россию несчастий лежит трагический факт отпадения христиан от Христа.

Родившийся в 1875 году в селе Козинка Скопинского уезда Рязанской губернии, Георгий Степанович Кисляков вырос в той русской народной стихии, которая на рубеже веков дала России самые разные примеры религиозного вдохновения – от Григория Распутина, до прп. Силуана Афонского. Егорий, как звали его в семье, с ранних лет отличался необычайной приверженностью Богу. Его воспоминания самым ярким образом описывают его детские вдохновенные и самозабвенные молитвы, поиски Творца в окружающем мире, искренние устремления уразуметь «божественное». Ранние попытки убежать в Иерусалим, жизнь восьмилетним мальчиком в Пронском монастыре, пешее

паломничество к киевским святыням... Уже в четырнадцать лет он попадает на Афон, остается там на послушании в русском Андреевском скиту, потом долгое время проводит на Афонском подворье в Константинополе. Возвращается в Россию, на Андреевское афонское подворье в Петербурге. По представлению петербургского митрополита Палладия (Раева) он отправляется на Алтай, в распоряжение Макария (Невского), епископа Томского, известного миссионера и просветителя язычников. Несколько лет юноша участвует в ежегодных крестных ходах, открывает в себе незаурядный проповеднический дар, вместе со священниками-миссионерами спорит о вере со старообрядцами и проповедует язычникам-бурятам...

Ко времени принятия в 1903 году монашеского пострига (и практически сразу же – священства) иеромонах Спиридон повидал очень многое в церковной жизни того времени, сам пережил и искушения, и восстания со дна падений. Сразу же после принятия сана он стал нести тюремное служение – проповедовать и беседовать с заключенными и каторжанами. Бездна человеческой боли, ужасного греха и невыносимого страдания открывалась ему в этих встречах. Необычайно одаренный чувством сопереживания, он «страдал со страждущими», входя в самую глубину людского горя. Неуживчивый, не склонный к компромиссам, стремящийся к правде Божией – он раз за разом входил в конфликты с теми, кто его окружал. Не давая спуску другим, споря и отстаивая правду, он в то же время неумолимо строг и к себе. Читатель еще поразится, как искренне он перечисляет как свои множество страшных грехов, совершенных каторжанами и поведенных ему в горьких исповедях – точно по словам Достоевского: «Всякий из нас пред всеми во всем виноват!»<sup>1</sup> Во время первой русской революции его близость к заключенным и симпатии к ним послужили поводом для его ареста во время подавления карательной экспедицией революционной Читинской республики. Вскоре после этого он вынужден уехать на другой

конец империи, на украинскую Волинь, в ведение знакомого ему по Алтайской миссии епископа Амвросия (Гудко). И там он не терпит архиерейской неправды и переходит в другую епархию. Первую мировую иеромонах Спиридон встречает в Одессе. В первые же ее дни он говорит резкую проповедь против войны, против убийства христианами друг друга – и вскоре после этого отправляется полковым священником на фронт.

Именно на фронте, среди неимоверного страдания и горя, поражающих его своей бессмысленностью, он переживает откровение, переворачивающее его жизнь. Вид немецких самолетов с нарисованными крестами, несущих смерть мирным людям (они бомбили колонну беженцев), внезапно поражает мыслью: если животворящий Крест Христов несет смерть, то христианство в человеческой истории потерпело поражение. Там, где в ожесточении и ярости христиане убивают христиан, не может идти и речи о стремлении к Небесному Царю. Нет оправдания тем, кто призывает благословение Божие на этот ничем не оправданный ужас войны ради непонятных целей. Скоро грянет возмездие всем, кто причастен этому обману, – к таким людям о. Спиридон, конечно, относит и себя. Этот переворот вынуждает его в растерянности искать выхода, отчаянно пытаться понять: что в эти дни должен делать христианин и священник? А тем временем неумолимо истекает отпущенный Российской империи срок, и вот уже везде: в войсках, в тылу, в умах людей – рушатся еще недавно казавшиеся неколебимыми устои, и лава безумия, гнева и смерти течет от фронтов в Россию. Течет огромная людская масса – измученная, озлобленная, потерявшая всякое уважение к жизни, лихо распеваящая «Яблочко» и сквозь прищуренные в ненависти глаза глядящая на «буржуев».

Один из тех, кто, по цветаевскому определению, наделен «безмерностью в мире мер»<sup>2</sup>, о. Спиридон не может найти для

<sup>2</sup> Из стихотворения М. Цветаевой «Что же мне делать, слесню и пасынку...» (1923).

себя никакого «умеренного», разумного варианта жизни и служения. Как жить по правде Христовой – тоже не знает. Неожиданно выход и новый путь открывает ему его новый знакомый, киевский профессор-богослов Василий Ильич Экземплярский. Отец Спиридон познакомился с ним незадолго до революции, и в смутные дни распада Экземплярский призывает его возглавить только что образованное в Киеве церковное братство Иисуса Сладчайшего. Для деятельного, бурлящего энергией о. Спиридона это оказывается местом обретения нового, подлинного, искреннего служения. Предметом его заботы и попечения становятся городские бедняки, нищие, пролетарии, разбегающиеся с фронтов солдаты. Неустанно и самоотверженно он служит, проповедует, беседует, организывает благотворительные столовые и кружки для просвещения бедняков. В кратчайшее время он становится героем и кумиром киевской бедноты, его обожают и упоенно слушают его призывы о возвращении христианской жизни ко Христу.

Пережитое им на фронте откровение он описывает в «Исповеди священника перед Церковью» Вначале он хочет послать Святейшему Синоду, но в итоге, по совету В. И. Экземплярского, посылает на Поместный Собор в Москву в конце 1917 года. Но «Исповедь...» не попадает членам Собора, и через год после его окончания о. Спиридон публикует ее отдельной книгой, добавляя свои воспоминания и описания страшного военного опыта. В том же 1919 году книга становится предметом разбирательства назначенной митр. Киевским Антонием (Храповицким) епархиальной комиссии, которая находит в ней множество «лжеучений» (вроде отрицания смертной казни или раскаяния в собственных военных проповедях). В итоге митр. Антоний налагает на о. Спиридона запрет, но Киев покидают войска белых, правящий архиерей покидает город, и о. Спиридон возвращается к служению. С просьбой о защите своего паствы его прихожане обращаются в Москву, к патриарху Тихону. Характерны строки из их коллективного письма: «Пламенная вера настоятеля братства, его полная любви и преданности

Христу проповедь быстро собрали тысячи людей... Множество тружеников шли к нему за религиозной, нравственной и материальной помощью, и никто не уходил без утешения, без поддержки, без помощи»<sup>3</sup>. Патриарх, хоть и с осторожностью («без права проповедования»), но разрешает его в служении.

Последующие годы были наполнены множеством скорбных трудов. Все сильнее и сильнее сжималась государственная удавка вокруг Церкви, все меньше и меньше оставалось возможностей для церковного строительства и духовного попечения. И все же вокруг братства и храма о. Спиридона до последних дней его жизни продолжали собираться люди. Он был в числе немногих киевских священников, кто не принял вышедшую в 1927 году «Декларацию» митр. Сергия (Страгородского), отказавшись разделять «радости и беды» нового безбожного государства. Но и будучи среди небольшого круга собратий, перешедших в подчинение митр. Ленинградскому Иосифу (Петровых), он не избежал ожесточения со стороны сослужителей. Упирая на вольности в богослужении, которые позволял себе о. Спиридон (по рассказам, благословение на них ему дал Святейший Патриарх Тихон), они написали письмо владыке Иосифу, в котором требовали его запрета в служении. До этого дело не дошло, но измученное сердце о. Спиридона не выдержало этой новых испытаний, и 11 сентября 1930 года он скончался. На его похороны пришли тысячи людей, образовав многокилометровую процессию. Проповедь на погребении говорил замечательный киевский пастырь, ученик и друг о. Спиридона, священник Анатолий Жураковский: «Он ушел, совершив что мог. Уходя, держал в руках знамя, на котором были начертаны заветы – истинное служение Христу и Церкви... Как никто не мог вырвать этого знамени из его рук, так и в наших руках оно будет твердо, непоколебимо до того мгновения, пока Господь не позовет из этого мира в Свой мир, на Свой суд». Сам о. Анатолий будет арестован через месяц

<sup>3</sup> Проценко П. Г. К незакатному Свету: Анатолий Жураковский : пастырь, поэт, мученик, 1897–1937. М., 2017. С. 227.

после похорон и отправится в скорбный смертный безвозвратный путь через заключения и концлагеря. Один за другим будут уходить соратники о. Спиридона, его ученики и друзья, и постепенно, но неумолимо память о нем будет стираться волнами истории – уж слишком многими трагедиями будет наполнена после его ухода киевская земля. И казалось в какой-то момент, что еще немного, и последние следы исчезнут, и некому больше будет вспоминать то пылающее любовью ко Христу сердце.

\* \* \*

Как ни удивительно, но интерес к наследию о. Спиридона в Европе возник едва ли не раньше, чем в России и Украине. «Воспоминания сибирского миссионера» в переводе Пьера Паскаля<sup>4</sup> вышли в Париже в 1950 году. В 2010 году вышло дополненное французское издание (с включением в него «Исповеди священника перед Церковью»). Воспоминаний о. Спиридона из «Христианской мысли» в 1994 году изданы по-немецки, а в 2010-м – по-английски. Не так давно в Италии известным монастырем в Бозе была издана посвященная о. Спиридону монография Симоны Мерло<sup>5</sup> – на данный момент это самая детальная работа о нем. На русском языке наиболее полные и точные сведения опубликованы Павлом Проценко в посвященных о. Спиридону главах биографии о. Анатолия Жураковского, а также в предисловии к недавнему – первому после столетнего перерыва! – переизданию «Исповеди священника перед Церковью»<sup>6</sup>. Остается надеяться, что начинающаяся ныне публикация трудов о. Спи-

<sup>4</sup> Пьер Паскаль (1890–1983) – французский филолог-славист, историк, переводчик, исследователь старообрядчества. Создатель школы славистов-русистов во Франции. Много лет прожил в Советской России.

<sup>5</sup> *Merlo, Simona. Una vita per gli ultimi: Le missioni dell'archimandrita Spiridon. Magnano : Qiqajon, 2009. 208 p.*

<sup>6</sup> См.: *Проценко П.Г. Указ. соч. С. 205–236; Он же. Откровение любви во время мировой бойни // Спиридон (Кисляков), архим. Исповедь священника перед Церковью. М., 2018. С. 7–25.*

ридона привлечет внимание не только у читателей, но и у исследователей.

\* \* \*

Что же именно представляет из себя творческое наследие пастьря-миссионера?

Его воспоминания «Из виденного и пережитого» публиковались в нескольких номерах в течение 1917 года в издававшемся Киевским религиозно-философским обществом журнале «Христианская мысль», редколлегию которого возглавлял проф. В. И. Экземплярский. Он же стал и редактором публикуемых текстов о Спиридоне. Эти не такие большие по объему воспоминания уже в наше время не единожды переиздавались<sup>7</sup>.

Его «Исповедь...», отправленная им на Поместный Собор в Москву, волей председателя Собора, митр. Московского Тихона (позднее – патриарха), не была представлена членам. Митрополит Тихон небезосновательно посчитал, что она вызовет непонимание и возмущение у делегатов. Эта «Исповедь», так и не нашедшая слушателей и читателей на Соборе, дополненная размышлениями о Спиридоне о своем жизненном пути и служении, была издана в 1919 году в послереволюционном Киеве отдельной книгой. Впечатление она произвела сильное и противоположное по оценкам. «Многие из прочитавших мою книгу – писал о Спиридон, – осаждают меня своими письмами и вопросами, в которых одни всячески злословят меня за нее, а другие, наоборот, благодарят Бога за то, что “наконец-то раздался голос и со стороны представителей Церкви в защиту веками погранных заветов Христа”, а иные просто обвиняют меня в том, что я в своей исповеди якобы настолько отделил Христа от Церкви, что всякий, прочитавший мою книгу, не-

<sup>7</sup> Христианская мысль. 1917. № 2–10. Из современных нам републикаций см., к примеру: *Спиридон (Кисляков), архим.* Из виденного и пережитого: воспоминания проповедника-миссионера. М.: Новоспасский монастырь, 2008.

вольно чувствует в себе впечатление такого рода: Христос или Церковь?»<sup>8</sup> В качестве ответа на все недоумения в 1920 году о. Спиридон публикует размышление «Царь христианский», в котором несколько театрализованно представляет свои мысли о подлинном Царстве христиан и об их Царе в виде диалогов между учителем-проповедником и несколькими внимающими ему учениками. Эта небольшая книга оказалась последним произведением о. Спиридона, опубликованным при его жизни. Наступало время, когда печатать книги о Христе становилось невозможно. Но это нисколько не остудило его творческий жар.

Как мы помним, первые мемуарные заметки о. Спиридон стал записывать по совету В.И. Экземплярского. Совет наставника и друга пришелся о. Спиридону по вкусу – с той же неукротимой энергией, которая наполняла все стороны его жизни, он принялся писать. По разным сведениям, речь может идти о нескольких крупных, на сотни страниц, рукописях: «Дневник» и «Воспоминания» (обе созданы около 1925 года), «Размышления над Евангелием», «Психологические типы». Судьба этих рукописей драматична. Основная их часть (если не все) в течение советских лет хранились у духовной дочери о. Спиридона Софии Лукиничны Лукьяновой. Она была вдовой расстрелянного в 1937 году священника-иосифлянина Евгения Лукьянова, также духовного сына о. Спиридона. После войны она пекла просфоры в Макарьевском храме, была настоящей праведницей, по отзывам знавших ее. Будучи человеком строгой церковности, при всей любви к своему пастырю она очень настороженно относилась к его наследию и крайне неохотно знакомила с ним кого-то еще. Тем не менее кое-кто из киевских «собирателей древностей» имел возможность просмотреть рукописи в начале 1980-х годов. После визита одного из таких собирателей все рукописи о. Спиридона из дома Софьи Лукиничны полностью исчезли, и все попытки убедить присвоившего их человека возвратить всё владелице оказа-

лись бесплодны<sup>9</sup>. Уже после распада СССР информация об этих рукописях стала регулярно всплывать в издательских кругах Киева. Увы, но бумаги о. Спиридона, вдохновенного обличителя любых форм материального стяжания, в какой-то момент стали предметом откровенного торга, переходя из рук в руки. В итоге издательство «Камо грядеши» все-таки стало готовить к публикации в Киеве две две большие рукописи о. Спиридона, «Дневник» и «Воспомианания», но это стало невозможно после событий конца 2013 – начала 2014 года. На сегодня эти тексты получило возможность опубликовать издательство ЭКСМО. Именно из фрагментов этих двух произведений и составлено наше издание. Остальные тексты о. Спиридона или в существенной части утрачены (так, сообщают, что значительная часть «Психологических типов» была сожжена еще в советское время при угрозе обыска), или пока остаются на руках у хранителей, предпочитающих не заявлять о себе.

\* \* \*

Почему же возникла идея начать знакомство читателя с не публиковавшимися доселе текстами о. Спиридона именно таким образом – путем составления сборника из двух его произведений?

Тексты о. Спиридона в полном объеме весьма велики – оба произведения совокупно составляют порядка тысячи страниц. Далеко не каждый читатель – особенно из того абсолютного большинства, кто мало слышан об авторе, – готов будет посвятить время чтению книг такого объема. Позже оба эти текста, более тщательно подготовленные, будут изданы полностью. Наша же книга предназначена в первую очередь тем, кого – особенно после публикации «Исповеди священника перед Церковью» – живо заинтересовала судьба и наследие харизматичного архимандрита.

«Воспомианания» о. Спиридона охватывают его жизнь с рождения до 1917 года, до отправки им «Исповеди...» на Поместный Собор в Москву. Завершаются они сообщением о полученном им

<sup>9</sup> Более подробно эта история изложена в книге Павла Проценко «К незакатному Свету» (см. с. 233–234, 710–712).

благословении Патриарха Тихона «трудиться на благо Церкви Христовой». Некоторые сюжеты «Воспоминаний» уже появлялись в «Исповеди...», а также в текстах «Из виденного и пережитого», но здесь они представлены гораздо детальнее и со многими дополнительными линиями и сюжетными ответвлениями.

Отец Спиридон – внимательный наблюдатель и может быть вдохновенным увлекательным рассказчиком. В этих воспоминаниях много сочных и живых деталей религиозной жизни крестьянской России, афонского монашеского быта рубежа веков, российского миссионерства, старообрядческого мира, жизни сибирских каторжан, леденящих ужасов Первой мировой... Это ценные для любого историка и интересные широкому читателю срезы жизни той эпохи. Но ни в один момент автор не позволяет читателю отвлечься на исторический сюжет от самого себя, забыть об авторе и его драматических, неумных, часто дерзких переживаниях – ни капли беспристрастности и взвешенности здесь вы не увидите. Каждая история, каждый момент – это рассказ не просто о какой-то реальности, но всегда и прежде всего – о драматичном столкновении автора с ней. От энергичного и вопрошающего духа о. Спиридона, его саркастических или горьких замечаний читатель не отдохнет ни разу, как бы ему ни хотелось отодвинуть немного в сторону беспокойного рассказчика и побольше узнать о том, что он видел. Отец Спиридон – не 2объективный автор», он всегда говорит о себе, о впечатлениях, увиденных своими глазами и пропущенных сквозь свое сердце. Это потрясающе личное свидетельство, рассказ не о «временах и нравах», но о постоянной и донкихотской по сути войне, которую ведет с ними о. Спиридон.

Структура воспоминаний, хоть автор и стремится к упорядоченности, тоже далека от стройного течения слов и событий. Они разделены на параграфы (то озаглавленные автором, то нет<sup>10</sup>), совершенно неравномерные по объему. То это мелкие,

---

<sup>10</sup> В нашем издании недостающие заголовки добавлены составителем и отмечены квадратными скобками.

дробные тексты на полстраницы, то огромный раздел (один § 113, «Нерчинская каторга», составляет 40% всего текста). Внимание автора воспоминаний то надолго замирает на каких-то событиях, целиком воспроизводя одну за другой произнесенные им проповеди и проведенные беседы, то стремительно проносится сквозь года почти без всяких остановок. Очевидно, что этих текстов не касалась упорядочивающей руки редактора (как в случае с публикацией в «Христианской мысли»), и они сохранили всю изначальную, подчас сырую, первозданность композиции и языка. Отбирать из них фрагменты для сборника было непростой задачей. При всех длиннотах текста в нем нет ничего незначительного – того, без чего можно легко обойтись. Тем не менее для более внятного знакомства читателя с «линией жизни» о. Спиридона мы решили останавливаться на основных, узловых моментах его духовной истории, главное внимание в подборке стараясь уделить моментам его духовного становления и выбора. За пределами сборника остались многочисленные боковые сюжеты, яркие впечатления автора о пребывании в Константинополе, его путешествии в Святую Землю и обратно, подробные рассказы о встречах и беседах на Нерчинской каторге.

Предупреждая вопросы читателей, скажем сразу, что мы не ставили перед собой цензурской задачи, не руководствовались намерением последовательно опускать что-то особенно «острое» и «сомнительное». Провокационных и горьких слов и сюжетов у о. Спиридона достаточно, но они в равной степени присутствуют и в отобранных текстах, и в тех, которые ждут полной публикации. Лишать его насильственной редактурой выстраданного права говорить своим голосом было бы слишком несправедливым к его памяти, – особенно с учетом тех злоключений, которые достались его рукописям.

В нашем сборнике последовательно расположенные фрагменты «Воспоминаний» перемежаются отрывками из «Дневника» о. Спиридона. Практически начисто лишенный бытовых подробностей и описаний, этот дневник представляет собой

хронику (естественно, привязанную к датам церковного календаря) молитв и размышлений одного года его жизни (вероятнее всего, 1925 или 1926-го – он мельком упоминает в тексте о своем пятидесятилетнем возрасте). Завершается дневник подробным описанием многодневного грандиозного видения-откровения о конце света и Втором Пришествии, которое посещало о. Спиридона на протяжении нескольких недель. Это видение своим масштабом вызывает в памяти апокалиптические картины откровений средневековых визионеров, производя неизгладимое впечатление. В дневниковых молитвах о. Спиридона просыпается, казалось бы, давно покинувшая размеренное христианство древняя пламенная сила, испепеляющая страсть к Богу, мучительное стремление быть с Ним, раствориться в Его любви – и, как говорит сам о. Спиридон, «стать самой любовью к нему». Это стремление сердца освещает – нет, мучительно опалает! – всю жизнь, все бытие о. Спиридона, вновь и вновь заставляя его повторять: «Хочу стать самой любовью к Тебе, Господь!»

Включение выдержек из этих молитвословий в повествовательную ткань «Воспоминаний» должно послужить иллюстрацией того почти постоянного экстатического «выхода из себя», в котором о. Спиридон пребывал, по его собственным признаниям, едва ли не с детства. В тексте воспоминаний читатель увидит множество свидетельств такого состояния, и, с нашей точки зрения, вполне оправдано с помощью этих вставных отрывков дать читателю почувствовать атмосферу непрекращающейся, напряженной, требовательной и вдохновенной его беседы с Богом. Эта смена ракурсов, сочетание отрывков, погружающих нас «внутри» самоощущения героя, с хронологическим мемуарным повествованием, должно послужить созданию целостной картины жизни автора, как «внешней», событийной, так и «внутренней», духовной.

Не ставя при публикации объемных научных задач, мы позволили себе ограничиться минимальными поясняющими комментариями (большой частью – биографическими справками)

и – в очень редких случаях – вставкой отдельных необходимых по смыслу слов (выделяемых квадратными скобками).

Вручая этот сборник читателю, мы надеемся, что он станет подлинной встречей с незаурядной личностью о. Спиридона, встречей впечатляюще яркой и честной. Эта встреча, несомненно, относится к числу тех, которые невозможно забыть.

*Е. Агафонов*